О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ

ВЕРШИНИНА Светлана Ивановна, заместитель ректора — директор Института права Тольяттинского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент
445667, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14
E-mail: svetlana-vershinina@ya.ru

Изучив представленные в уголовно-процессуальной науке взгляды о сущности и целях применения мер пресечения и проанализировав уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие порядок применения мер пресечения (глава 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), автор приходит к выводу о наличии явных дефектов в правовой регламентации данного института, вызванных несовершенством юридической техники и игнорированием специфики принудительных мер на различных стадиях уголовного судопроизводства и в отношении разных субъектов. Указанные дефекты приводят к неоднозначному пониманию сущности принудительной деятельности в уголовном процессе, к наличию пробелов и противоречий в правовом регулировании и в итоге — к неоправданному ограничению прав и свобод участников судопроизводства.

Решение этой проблемы связано с принятием ряда законодательных поправок, позволяющих четко и недвусмысленно обозначить цели применения мер пресечения, согласовав их с целями и задачами процессуальной деятельности на определенных этапах судопроизводства; сформулировать основания применения мер пресечения в отношении различных субъектов принуждения и с учетом специфики их процессуального статуса; закрепить причинно-следственные связи между возникновением оснований и принятием решений о применении мер принуждения.

Автор приходит к выводу о необходимости формирования на основе института мер пресечения трех институтов мер процессуального принуждения, различаемых по целям, основаниям, субъектам и порядку применения: 1) меры принуждения, применяемые к обвиняемым, подозреваемым в целях обеспечения их надлежащего поведения в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства; 2) меры принуждения, применяемые к осужденным, уклоняющимся от исполнения наказания, после вступления приговора в законную силу; 3) меры принуждения, применяемые к лицам, подлежащим выдаче по запросу иностранного государства о правовой помощи. На основе проведенного исследования предлагается авторская редакция ст. 97 УПК РФ.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное принуждение, меры пресечения, меры принуждения, цели мер пресечения, предупреждение, пресечение, надлежащее поведение обвиняемого, исполнение приговора, выдача лица, экстрадиция.

Improvement of the Pre-trial Restrictions Institute Prescribed by Chapter 13 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

S. I. VERSHININA, deputy rector — director of the Institute of Law of the Togliatti State University, candidate of legal sciences, associate professor
14, Belorusskaya st., Togliatti, Russia, 445667
E-mail: svetlana-vershinina@ya.ru

Having examined the views, submitted in the criminal procedure science, about the nature and purpose of the application of preventive measures and analyzing the criminal procedure provisions regulating the order of application of preventive measures (Chapter 13 of the code), the author comes

to the conclusion that there is the presence of apparent defects in the legal regulation of this institution, caused by the imperfection of legal technique and ignoring the specifics of the coercive measures at various stages of criminal proceedings and in relation to different subjects. These defects lead to ambiguous understanding of the essence of coercive action in the criminal process, the presence of gaps and contradictions in legal regulation, and ultimately, to unnecessary restriction of the rights and freedoms of participants in the proceedings.

The solution to this problem is the adoption of a number of legislative amendments that clearly and unambiguously articulate the purpose of the application of preventive measures in coordination with the goals and objectives of the remedial activities at certain stages of proceedings; identification of the basis of application of measures of restraint in respect of different subjects of coercion and with an understanding of their procedural status; securing a causal connection between the occurrence of the grounds and a decision on the application of coercive measures, etc.

As a result, the author comes to the conclusion that it is necessary to form the three institutions of the measures of procedural coercion in the criminal procedure legislation, which can be distinguished by goals, grounds, subjects and procedures for the application: 1) the coercive measure applied to the accused, the suspect in order to ensure their proper conduct during the preliminary investigation and the judicial proceedings; 2) the coercive measures applied to convicted persons, evading from execution of punishment, after the sentence comes into legal force; 3) the coercive measures applied to the persons subject to extradition at the request of a foreign state for legal assistance. On the basis of this study, the author suggests a revision of article the 97 of CPC of the RF.

Keywords: criminal-procedural coercion, restraint, coercion, the goals of preventive measures, prevention, suppression, proper conduct of the accused, the sentence, rendition, extradition.

DOI: 10.12737/article_59240cfc15cbd9.45816068

В современном российском уголовном судопроизводстве надлежащее поведение обвиняемого, подозреваемого обеспечивается различными мерами процессуального принуждения, в том числе мерами пресечения, содержащимися в гл. 13 УПК РФ. Анализируя качество уголовно-процессуального законодательства, регулирующего применение мер пресечения, ученые отмечают ряд требующих устранения проблем¹, однако единодушны в выделении мер пресечения в качестве обособленной группы мер уголовно-процессуального принуждения. Объяснить такое единодушие можно наличием в уголовно-процессуальном законодательстве в течение длительного периода отдельной главы, посвященной данному институту. Так, в Уставах уголовного судопроизводства 1864 г. меры пресечения

закреплялись в гл. 6 «О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия»; в УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. — гл. 12 «Меры пресечения»; в УПК РСФСР 1960 г. — гл. 6 «Меры пресечения».

Вместе с тем сущность принудительных мер, составляющих содержание института мер пресечения и цели их применения, понимаются в юридической науке не однозначно. Одни авторы рассматривают меры пресечения исключительно как средства, направленные на прекращение, устранение неправомерных действий, представляющих угрозу интересам расследования и правосудия²; другие — как средства, обеспечивающие соблюдение установленных законом правил поведения в превентивном порядке³; третьи вы-

¹ См.: Ярцев Р. В. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства в сфере применения мер пресечения: реалии и тенденции // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3. С. 170—184.

² См.: Чельцов М. А. Уголовный процесс. М., 1969. С. 215; Громов Н. А., Пономаренков В. А., Францифоров Ю. В. Уголовный процесс России: учебник. М., 2001. С. 210.

³ Михайлов В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996. С. 19; Еникеев З. Д. Проблемы мер пресечения в уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра

деляют в качестве цели применения восстановления нормальных правовых связей и отношений путем принуждения субъекта к исполнению ранее возложенной, но не выполненной обязанности⁴.

Как следствие, к началу XXI в. в российской процессуальной науке сформировались три основных подхода в определении сущности мер пресечения, различаемых по виду используемого государственного принуждения. В первом случае содержание мер пресечения составляет пресекательное принуждение, направленное на прекращение противоправного поведения обвиняемого. Во втором — превентивное принуждение, обеспечивающее предупреждение возможного противоправного поведения. Третий подход — компромиссный, объединяет предыдущие взгляды и основывается на двойном назначении мер пресечения, обеспечивающем, с одной стороны, прекращение противоправного поведения, а с другой — создание условий для выполнения неисполненной процессуальной обязанности.

После принятия Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г. большинство ученых, занимающихся обозначенной проблематикой, ориентируясь на содержание сформулированных в ст. 97 УПК РФ оснований, пришли к выводу о превентивном воздействии мер пресечения⁵. По их мнению,

превентивный характер мер пресечения проявляется в их направленности на предупреждение перечисленных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ нарушений обвиняемым, подозреваемым установленным порядком уголовного судопроизводства, а также в соответствии с частью второй этой же статьи — в способности мер пресечения обеспечивать исполнение приговора или возможную выдачу лица.

Несмотря на законодательное закрепление превентивного воздействия мер пресечения, их пресекательный характер до сих пор не утратил значимости, и причина тому — название гл. 13 «Меры пресечения» УПК РФ. Обозначив превентивные по сущности меры в качестве «мер пресечения», т. е. мер, пресекающих противоправные деяния, законодатель допускает их использование и в целях прекращения ненадлежащего поведения обвиняемого, подозреваемого. Не случайно при анкетировании следователей и дознавателей по вопросу определения сущности мер пресечения только треть респондентов (104 из 320 опрошенных) указали исключительно на превентивный характер мер пресечения. В остальных 216 анкетах в качестве основания применения мер пресечения отмечено наличие противоправного поведения обвиняемого, подозреваемого. Такая позиция нашла сторон-

юрид. наук. Екатеринбург, 1991. С. 12; *Зинатуллин З. З.* Уголовно-процессуальное принуждение. Казань, 1981. С. 66; *Гуткин И. М.* Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1963. С. 6; *Лившиц Ю. Д.* Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1964. С. 14.

⁴ См.: *Коврига З. Ф.* Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 29.

⁵ Превентивный характер мер пресечения отмечали: *Васильева Е. Г.* Меры уголовно-процессуального принуждения. Уфа, 2003. С. 28; *Ткачева Н. В.* Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу в уголовном процессе России. Челябинск, 2004. С. 19;

Исеев Д. Р. Система мер принуждения и порядок их применения в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2009. С. 65; *Копылова О. П.* Меры принуждения в уголовном процессе: учеб. пособие. Тамбов, 2011. С. 46. Наряду с превентивным отдельные авторы отмечали и пресекательный характер мер пресечения, направленный на прекращение противоправного поведения обвиняемого. См., например: *Очередин В. Т.* Меры процессуального принуждения в уголовном производстве: учеб. пособие. Волгоград, 2004. С. 22; *Чернова С. С.* Меры уголовно-процессуального принуждения: учеб.-практ. пособие. Тюмень, 2012. С. 12.

ников и в уголовно-процессуальной науке. Например, В. Т. Очередин⁶ и С. С. Чернова⁷ наряду с превентивным характером мер пресечения отмечают их направленность на прекращение противоправного поведения обвиняемого.

Между тем выявление сущности мер пресечения имеет основополагающее значение для определения целей их применения. А правовое закрепление действительных целей применения принудительных мер — залог эффективной правоприменительной деятельности. Не случайно Конституция РФ и общепризнанные нормы международного права «допускают возможность ограничения права на свободу лишь в той мере, в какой оно необходимо в определенных законом целях...»⁸. Аналогичное положение содержится в ст. 52 Хартии основных прав Европейского Союза от 7 декабря 2000 г., устанавливающей, что ограничение на осуществление прав и свобод может быть предусмотрено законом лишь при соблюдении принципа пропорциональности, под которым понимается следующее: любое ограничение не должно идти дальше тех *целей*, которые перед ним ставятся⁹.

Указанное требование реализовано законодателем своеобразно: не формулируя целей мер пресечения, он предлагает правоприменителю самостоятельно определять и цели, и основания принудительного воздействия. В одних случаях, ориентируясь на название гл. 13

УПК РФ, использовать данные меры в целях пресечения совершаемого противоправного поведения; в других, руководствуясь основаниями, перечисленными в ст. 97 УПК РФ, применять меры пресечения при наличии предположения о возможности совершения обвиняемым противоправного деяния. Между тем существующая разносторонность мер пресечения, их одновременная направленность и на пресечение, и на превенцию создает сложности в научном и прикладном восприятии указанных категорий и приводит к ошибкам в формулировании как целей, так и соответствующих им оснований.

Нет однозначности в понимании этих вопросов и в уголовно-процессуальной науке. Например, В. М. Корнуков, отмечая, что цели мер пресечения не равнозначны основаниям их применения (ст. 89 УПК РСФСР), полагает, что законодатель имеет в виду «не просто обеспечение неуклонения обвиняемого от дознания, предварительного следствия и суда, не воспрепятствование установлению истины по делу и так далее, а обеспечение достижения этих целей с предельно меньшей степенью стеснения прав, свобод и законных интересов обвиняемого»¹⁰. Это существенное замечание, которое, на наш взгляд, необходимо учитывать при законодательном формулировании целей мер пресечения.

Значительно шире цели мер пресечения обозначены В. А. Михайловым: «Цели мер пресечения не исчерпываются указанными в ст. 33 Основ, они шире и заключаются также в том, чтобы с их помощью обеспечить личное участие обвиняемого в уголовном процессе, его неуклонение от уголовного преследования, применения к нему мер уголовного наказания и взыскания с него ма-

⁶ См.: Очередин В. Т. Указ. соч. С. 22.

⁷ См.: Чернова С. С. Указ. соч. С. 12.

⁸ Постановление Пленума ВС РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога».

⁹ См.: Хартия Европейского Союза об основных правах: коммент. / под ред. С. Ю. Кашикина. М., 2001. С. 146—147.

¹⁰ Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 74.

материального ущерба за причиненный преступлением имущественный вред»¹¹. Обозначенная позиция требует уточнения. На наш взгляд, личное участие обвиняемого в уголовном процессе как раз и обеспечивается предотвращением сокрытия последнего от уголовного преследования. Обеспечивая явку обвиняемого в органы следствия и суда, мы тем самым обеспечиваем и его участие в уголовном процессе, следовательно, такая цель не нуждается в отдельной формулировке, она входит в содержание тех положений, которые перечислены в ст. 97 УПК РФ. Что касается обеспечения взыскания материального ущерба за причиненный преступлением имущественный вред, то вряд ли применением мер пресечения эта цель будет достигнута. Даже залог, представленный деньгами или иными ценностями, не обеспечивает взыскание материального ущерба, так как в случае соблюдения меры пресечения залог возвращается залогодателю, в противном случае — обращается в доход государства.

И. Л. Петрухин связывал цели мер пресечения с задачами всего уголовного процесса и усматривал их в том, чтобы «не допустить такого поведения обвиняемого (подозреваемого), которое бы препятствовало достижению задач уголовного судопроизводства»¹². По отношению к конечным целям судопроизводства такая трактовка целей мер пресечения не вызывает возражений, однако рассматривать ее как непосредственную цель конкретной меры пресечения было бы, на наш взгляд, не верно.

По-иному определяет цели З. Ф. Коврига, которая, рассматривая меры пресечения, отмечает, что

¹¹ Михайлов В. А. Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве. М., 1991. С. 16.

¹² Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 105.

они применяются «в целях ограждения общества от опасных для него лиц и успешного осуществления задач социалистического правосудия»¹³. С таким утверждением трудно согласиться, так как в нем не раскрыта нацеленность всех мер пресечения на общий результат. Эту цель можно рассматривать только применительно к заключению под стражу и домашнему аресту, однако и это утверждение достаточно спорно, поскольку «ограждение общества от опасных для него лиц», т. е. их изоляция, составляет не столько цель ареста, сколько его содержание. При применении других мер пресечения «ограждение общества от опасных для него лиц» вообще не происходит. Не можем согласиться и с целью мер пресечения — «успешное осуществление задач правосудия». Направленность мер пресечения на решение задач всего уголовного процесса нивелирует специфичность принудительной деятельности и приводит к размыванию границ между принуждением и собственно процессуальной деятельностью, обеспечивающей осуществление правосудия. Очевидно, что в итоге применение мер принуждения наряду с другими процессуальными действиями и решениями обеспечивает осуществление задач правосудия. Но также бесспорно и то, что при соблюдении установленного порядка уголовного судопроизводства процессуальная деятельность вполне может осуществляться без применения мер принуждения, а это значит, что задачи правосудия могут быть достигнуты и без использования принудительного воздействия. Следовательно, применение мер пресечения направлено на достижение собственных специфических целей, отличных от общих целей процессуальной деятельности. Попробуем установить, в чем эта специфика.

Институт мер пресечения — один из важнейших в уголовном процессе,

¹³ Коврига З. Ф. Указ. соч. С. 95.

так как непосредственно затрагивает права и свободы гражданина, привлекаемого в качестве обвиняемого, подозреваемого. Учитывая заинтересованность этих участников в результатах процессуальной деятельности и их возможность (при желании) нарушать установленный порядок уголовного судопроизводства, вполне разумно и справедливо применять меры пресечения в превентивном порядке, при наличии предположения о совершении обвиняемым противоправных действий. Не исключается превентивный характер мер пресечения и при их применении в порядке изменения на более строгую меру в случае нарушения обвиняемым порядка судопроизводства. Совершаемые в таких случаях противоправные деяния обвиняемых выступают основаниями для отмены первичных мер пресечения, но не являются основаниями для новых мер пресечения, иначе эти меры применялись бы в целях прекращения противоправного деяния. Допускать же возможность применения мер пресечения в пресекательных целях, т. е. для прекращения противоправной деятельности обвиняемых, нельзя, так как нельзя прекратить то, что уже фактически произошло и явилось основанием для принятия решения об отмене первичной меры пресечения.

Что касается основания применения новой меры пресечения, то здесь должны действовать общие правила: несмотря на повторное ее применение, основанием меры пресечения является предположение о возможности совершения обвиняемым противоправных деяний, но уже с большей степенью вероятности, чем при применении меры пресечения в первый раз. Как верно отметила Е. Г. Васильева, «мера пресечения в любом случае применяется в отношении возможного совершения действий в будущем»¹⁴. Необходимость изменения примененной меры пресечения

означает лишь то, что следователь не учел всех обстоятельств по уголовному делу и принял изначально неверное решение. Общеизвестно, что задача должностного лица, принимающего решение о выборе и применении как первичной, так и вторичной меры пресечения, заключается в учете всех обстоятельств, характеризующих как личность обвиняемого, подозреваемого, так и обстоятельств его задержания и предшествующего участия в производстве по уголовному делу.

Следующий фактор, подлежащий обязательному учету при определении сущности и целей мер пресечения, заключается в том, что указанные меры не могут рассматриваться в отрыве от обвиняемого, подозреваемого. В каждом случае появления указанных участников и возникновения угрозы их ненадлежащего процессуального поведения в будущем возникает вопрос о применении к ним принудительного воздействия в превентивном порядке. С учетом того, какая совокупность обстоятельств выступает в качестве основания применения принуждения и какая модель поведения обвиняемого необходима органу расследования или суду в дальнейшем, производится выбор меры пресечения. Соответственно, применение мер процессуального пресечения направлено не на любое поведение обвиняемого, подозреваемого, а именно на определенную модель надлежащего поведения. Это результат, к которому стремится и который способна обеспечить при правильном ее применении любая мера пресечения независимо от характера и объема применяемых ограничений. Следовательно, целью применения мер пресечения следует рассматривать *надлежащее поведение обвиняемого, подозреваемого при производстве по уголовному делу*. Эта цель не допускает наступления обстоятельств как перечисленных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, так и других, не имеющих правового закрепления, но могущих возникнуть при проти-

¹⁴ Васильева Е. Г. Указ. соч. С. 45.

воправном, ненадлежащем поведении обвиняемого, подозреваемого.

Обозначив цель таким образом, нельзя не обратить внимание на некоторые особенности в понимании надлежащего поведения обвиняемых для каждой отдельно взятой меры пресечения. Так, регламентируя заключение под стражу, УПК РФ под надлежащим поведением обвиняемого понимает его полное невмешательство в производство по делу и неуклонение от органов расследования и суда. Регулируя залог в качестве меры пресечения, закон связывает надлежащее поведение с явкой обвиняемого, подозреваемого по вызову и исключение противоправных действий. А надлежащим поведением обвиняемого при избрании подписки о невыезде является его явка по вызову и постоянное проживание по месту жительства. Таким образом, общая цель мер пресечения — надлежащее поведение обвиняемого и подозреваемого — претерпевает определенные изменения, трансформируясь в мини-цели для каждой меры пресечения. А это означает, что надлежащий порядок уголовного судопроизводства может быть обеспечен различными способами, допускающими как минимальное, так и максимальное ограничение прав и свобод обвиняемого, подозреваемого. Закрепляя мини-цели для каждой меры пресечения, можно контролировать целесообразность и обоснованность ее выбора применительно к конкретному обвиняемому, подозреваемому.

Правильность такого положения подтверждается анализом более 1000 уголовных дел, изученных в рамках данного исследования. Если следователь стремится предотвратить побег обвиняемого от органов правосудия или его преступную деятельность, то избирает заключение под стражу, так как подписка о невыезде или залог будут недостаточны. Аналогичное решение орган расследования примет, если необходимо предупредить влияние обви-

няемого на свидетелей, иных участников уголовного судопроизводства, возможность уничтожить доказательства, либо иным путем мешать производству по уголовному делу. То есть во всех указанных ситуациях будут избраны меры пресечения, связанные с изоляцией от общества. Именно они смогут в полной мере обеспечить надлежащее поведение обвиняемого. В связи с этим возникают серьезные сомнения относительно «привязки» оснований, указанных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ ко всем мерам пресечения, обозначенным в ст. 98 УПК РФ.

Определяя в качестве цели мер пресечения обеспечение надлежащего поведения обвиняемого в рамках уголовного процесса, необходимо здесь же конкретизировать термин «надлежащее поведение». И в УПК РСФСР 1960 г., и в действующем законодательстве (ст. 102, 105 УПК РФ) такая формулировка присутствует, но что следует понимать под этими словами, как верно заметил З. Д. Еникеев, четко не определено¹⁵. Полагая, что надлежащее поведение обвиняемого в рамках уголовного процесса обусловлено ограничениями, составляющими содержание меры принуждения. Например, при применении подписки о невыезде и присмотре за несовершеннолетним обвиняемый ограничен в праве на изменение места жительства, обязан являться по вызовам и не препятствовать производству по уголовному делу (ст. 102, 105 УПК РФ); при личном поручительстве (ст. 103) и наблюдении командования (ст. 104) — являться по вызовам и не препятствовать производству по уголовному делу; при залоге (ст. 106) — являться по вызовам и не совершать новые преступления; при домашнем аресте (ст. 107) обвиняемый будет вести себя надлежащим образом, если не будет покидать место своего проживания и обмени-

¹⁵ См.: Еникеев З. Д. Проблемы мер пресечения в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 1991. С. 411.

ваться информацией. Относительно заключения под стражу предполагается, что его изоляция от общества создает условия для надлежащего поведения. Следовательно, обвиняемый будет вести себя надлежащим образом, если в период предварительного расследования и судебного разбирательства не скроется от органов расследования и суда, не будет мешать производству по уголовному делу и не будет заниматься преступной деятельностью.

Следующий, не менее важный шаг в совершенствовании института мер пресечения, связан с установлением правового значения обстоятельств, обозначенных в ч. 2 ст. 97 УПК РФ, а именно — обеспечение исполнения приговора и возможная выдача лица. Являются ли данные обстоятельства основаниями в буквальном понимании этого слова? Попробуем разобраться.

Во-первых, использование законодателем слова «также» в формулировании предписания «мера пресечения может избираться также для обеспечения исполнения приговора...»¹⁶ означает его дополнительный характер по отношению к ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Не случайно в уголовно-процессуальной науке общепризнано, что «обычно эта норма применяется, когда по делу уже вынесен обвинительный приговор с назначением наказания, но он еще не вступил в законную силу (не обращен к исполнению)»¹⁶, либо вступил, но обвиняемый (уже осужденный) уклоняется от его исполнения. Во-вторых, если «обеспечение исполнения приговора» рассматривать как цель, то распространять эту цель на все уголовное судопроизводство невозможно. При таком подходе возникает дублирование и конкуренция ч. 1 и 2 ст. 97 УПК РФ, так как каждая применяемая мера пре-

сечения направлена и на обеспечение надлежащего поведения обвиняемого и в итоге — на исполнение приговора суда. В-третьих, ст. 47 УПК РФ достаточно широко трактует термин «обвиняемый». Однако для целей применения мер пресечения модификации статуса обвиняемого — обвиняемый, подсудимый, осужденный — это имеет принципиальное значение и определяет не только объем и характер применяемого к нему принудительного воздействия, но и цели его применения. Если при расследовании и судебном разбирательстве применение мер пресечения обусловлено наличием у обвиняемого, подсудимого возможности противодействовать производству по уголовному делу, то после постановления приговора такое противодействие сведено к нулю. Более того, после вступления приговора в законную силу статус обвиняемого (осужденного) в процессуальном смысле прекращается, лицо признается виновным в совершении преступления и подлежит ответственности в соответствии с приговором суда.

Отсюда вывод: допуская применение мер пресечения для исполнения приговора, законодатель в ч. 2 ст. 97 УПК РФ указывает не столько основания и цель их применения, сколько этап уголовного судопроизводства, в котором допускается применение указанных мер — это стадия исполнения приговора, начинающаяся с момента вступления приговора в законную силу. С этого времени осужденный уже не считается обвиняемым в смысле ст. 47 УПК РФ, поэтому применять к нему положения гл. 13 УПК РФ, предусматривающие превентивное принудительное воздействие, неверно. Вместе с тем обязательность судебного решения требует от законодателя предусмотреть иную, специальную процедуру принудительного воздействия к лицам, уклоняющимся от исполнения приговора. Такие меры принуждения принципиально отличаются от мер пресечения, применяемых к обвиняемым и подозреваемым. Следова-

¹⁶ Калиновский К. Б. Дискуссионные вопросы содержания уголовно-процессуальных норм о применении меры пресечения для исполнения приговора. URL: <http://www.iaaj.net/> (дата обращения: 10.10.2016).

тельно, цель применения принудительного воздействия в стадии исполнения приговора — прекращение противоправного поведения осужденного и создание условий для исполнения вступившего в силу приговора суда.

Специфичность принуждения в стадии исполнения приговора проявляется не только по целям и субъектам принуждения, но и по основаниям их применения, обозначенным в п. 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ, в качестве которых выступает уклонение или сокрытие лица от исполнения приговора суда. Указанные основания устанавливаются в особой процедуре, регламентированной ст. 399 УПК РФ. Специфичен и перечень мер, применяемых для достижения поставленной цели. Учитывая, что осужденные после вступления приговора в законную силу уже признаны виновными в совершении преступления, но продолжают вести себя ненадлежащим образом, очевидно, что «мягкие» меры принуждения вряд ли будут эффективны, поэтому можно ограничиться наиболее строгой мерой — заключением под стражу, максимально гарантирующей исполнение судебного решения.

Если специфичность применения мер пресечения к осужденным в стадии исполнения приговора нашла отражение в законе, то применение мер пресечения к лицам, в отношении которых поступил запрос иностранного государства об их выдаче, согласно ст. 466 УПК РФ осуществляется в общем порядке, по правилам гл. 13 УПК РФ. При сопоставлении этих норм очевидно их несоответствие как по основаниям, так и по целям принудительного воздействия. Во-первых, ни одно из оснований, перечисленных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, не может быть применимо в данном производстве ввиду отсутствия возбужденного уголовного дела и привлечения лица в качестве обвиняемого. Во-вторых, при экстрадиции лица целесообразно говорить не обо всех мерах пресечения, пере-

численных в ст. 98 УПК РФ, а лишь о содержании под стражей, так как меры принуждения, не связанные с ограничением лица в свободе, вряд ли смогут обеспечить его экстрадицию. В-третьих, положения ч. 2 ст. 97 УПК РФ, хотя и отнесены законодателем к основаниям применения мер пресечения, выступают не столько причиной, сколько следствием применения мер принуждения. Не случайно Европейский суд по правам человека отметил, что «положения УПК РФ, регламентирующие процедуры экстрадиции, не отвечают требованиям ясности (отсутствуют специальные нормы, предусматривающие избрание меры пресечения в отношении лиц, подлежащих экстрадиции...)». На этом основании ЕСПЧ делает обоснованный вывод: нормы УПК РФ не содержат указания на то, что общие нормы, регламентирующие применение меры пресечения в виде заключения под стражу, распространяются на процедуры экстрадиции¹⁷.

Очевидно, что для заключения под стражу лица, подлежащего экстрадиции, всегда необходимо поступ-

¹⁷ В период с января 2014 г. по июнь 2015 г. вынесено 12 постановлений ЕСПЧ, относящихся к группе дел «Гарабаев», в которых установлены нарушения прав граждан при решении вопроса об их выдаче по запросу иностранных государств для осуществления уголовного преследования: постановления ЕСПЧ от 3 апреля 2014 г. по делу «Ошлаков против Российской Федерации», жалоба № 56662/09; от 17 апреля 2014 г. по делу «Гайратбек Салиев против Российской Федерации», жалоба № 39093/13; от 16 апреля 2015 г. по делу «Хамракулов против Российской Федерации», жалоба № 68894/13; от 21 мая 2015 г. по делу «Мухитдинов против Российской Федерации», жалоба № 20999/14, и др. См. п. 1 приложения № 5 к Докладу о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2014 год. URL: http://www.pravo.gov.ru/export/sites/default/other_documents/doklad_po_MP_2014.pdf (дата обращения: 25.09.2016).

ление запроса иностранного государства о его выдаче и принятие генеральным прокурором решения о выдаче запрашиваемого. В таком качестве мера пресечения есть гарантия исполнения правового запроса иностранного государства. Соответственно, основанием применения меры принуждения к выдаваемому лицу является сугубо формальное обстоятельство: наличие запроса иностранного государства о выдаче лица и намерение прокурора его исполнить. А цель применения меры пресечения к лицу, подлежащему выдаче, вытекает из названия ст. 466 «Избрание или применение избранной меры пресечения для обеспечения возможной выдачи лица» УПК РФ. Как видно, применение меры пресечения в рамках производства о выдаче лица иностранному государству принципиально отличается по субъектам, целям, основаниям и порядку применения от аналогичного института, действующего в российском уголовном судопроизводстве в отношении обвиняемых, подозреваемых. Это отдельный правовой институт в системе уголовно-процессуального принуждения, нуждающийся в самостоятельном правовом регулировании.

Итак, гл. 13 и непосредственно ст. 97 действующего УПК РФ допускают неоправданное объединение правовых институтов, различаемых по целям, основаниям, субъектам и сфере применения принудительного воздействия:

меры уголовно-процессуального принуждения, целью применения которых является обеспечение надлежащего поведения обвиняемых, подозреваемых в ходе производства по уголовному делу, посредством предупреждения возможного противоправного поведения;

меры принуждения, целью применения которых является пресечение противоправного поведения осужденных, уклоняющихся от исполнения вступивших в силу приговора суда;

меры принуждения, применяемые к лицам, подлежащим выдаче на основании запроса иностранного государства о правовой помощи.

Выявленные различия в применении принудительного воздействия должны обязательно учитываться законодателем. Ведь неправильное понимание сущности и целей мер принуждения влияет на определение оснований, условий и порядка их применения. Решение этой проблемы мы видим в переименовании гл. 13 УПК РФ с названия «Меры пресечения» на «Меры обеспечения надлежащего поведения» и изменении ст. 97 УПК РФ следующим образом:

«Статья 97. Цели и основания применения мер принуждения»

1. В целях обеспечения надлежащего поведения обвиняемого, подозреваемого дознаватель, следователь в ходе предварительного расследования, а также суд при производстве судебного разбирательства вправе применить одну из мер принуждения, предусмотренных настоящим Кодексом, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

- 1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

2. В целях пресечения противоправного поведения осужденного, скрывающегося или уклоняющегося от исполнения приговора, и создания условий для исполнения приговора суд на основании представления органа внутренних дел или учреждения (органа) уголовно-исполнительной системы по месту задержания осужденного вправе применить к нему меру пресечения в виде заключения под стражу, в порядке, предусмотренном пунктами 18 и 18¹ статьи 397 настоящего Кодекса.

3. В целях обеспечения возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном статьей 466 настоящего Кодекса, прокурор на основании судебного решения ино-

стрannого государства либо суд на основании ходатайства прокурора вправе применить к лицу, подлежащему выдаче, домашний арест либо заключение под стражу».

Библиографический список

- Васильева Е. Г. Меры уголовно-процессуального принуждения. Уфа, 2003.
- Громов Н. А., Пономаренков В. А., Францифоров Ю. В. Уголовный процесс России: учебник. М., 2001.
- Гуткин И. М. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1963.
- Еникеев З. Д. Проблемы мер пресечения в уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1991.
- Еникеев З. Д. Проблемы мер пресечения в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 1991.
- Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное принуждение. Казань, 1981.
- Исеев Д. Р. Система мер принуждения и порядок их применения в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2009.
- Калиновский К. Б. Дискуссионные вопросы содержания уголовно-процессуальных норм о применении меры пресечения для исполнения приговора. URL: <http://www.iuaj.net/> (дата обращения: 10.10.2016).
- Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975.
- Копылова О. П. Меры принуждения в уголовном процессе: учеб. пособие. Тамбов, 2011.
- Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978.
- Лившиц Ю. Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1964.
- Михайлов В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996.
- Михайлов В. А. Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве. М., 1991.
- Очередин В. Т. Меры процессуального принуждения в уголовном производстве: учеб. пособие. Волгоград, 2004.
- Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989.
- Ткачева Н. В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу в уголовном процессе России. Челябинск, 2004.
- Хартия Европейского Союза об основных правах: коммент. / под ред. С. Ю. Кашкина. М., 2001.
- Чельцов М. А. Уголовный процесс. М., 1969.
- Чернова С. С. Меры уголовно-процессуального принуждения: учеб.-практ. пособие. Тюмень, 2012.
- Ярцев Р. В. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства в сфере применения мер пресечения: реалии и тенденции // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3.

Особенности уголовно-процессуальной деятельности в дальнем плавании, на территории экспедиций и зимовок, в Антарктике, на территории дипломатических и консульских представительств Российской Федерации

СТЕЛЬМАХ Владимир Юрьевич, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук
620057, Россия, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66
E-mail: vlstelmah@mail.ru